

Случайный ветеринар

Я не собирался становиться ветеринаром. На самом деле в детстве я вообще весьма смутно представлял, чем занимаются ветеринары, ведь из домашних животных у нас была только монгольская песчанка, и если честно, отнести Бобо к врачу никому и в голову не приходило. Много лет я мечтал стать географом или историком и работать в университете. Да, я был странным ребенком. Позже, в старших классах, я стал больше интересоваться природой и животными, которые до определенной степени привлекали меня и раньше. И тогда я добавил к списку профессию зоолога. Но ветеринария на горизонтах по-прежнему не угадывалась.

Мой отец был человеком практичным, и годы, отданные университетам, приучили его относиться к академической науке с некоторым цинизмом. Он был профессором физики в Университете Саскачевана и считал, что по мере разрастания университетской бюрократии занятия наукой будут становиться все более экзотическим и непривлекательным делом. Соответственно, мое увлечение зоологией, историей

и географией с каждым годом вызывало у него все меньше одобрения. У него было любимое немецкое выражение: *Brotlose Kunst*, буквально — “искусство без хлеба”, то есть дело, которым на хлеб не зарабатываешь. Он предоставил мне самому выбирать свой путь, но ясно дал понять, что предпочел бы, чтобы я научился делать что-нибудь полезное.

А я был на всю голову послушным подростком (ну почти на всю). Поэтому в марте 1983-го — года, когда я заканчивал школу, — я провел целое субботнее утро, методично листая список курсов Университета Саскачевана. Программы обучения были перечислены там по алфавиту. Я стал вычеркивать их одну за другой: агрономия (скучно), антропология (*Brotlose Kunst*), искусствоведение (*Brotlose Kunst*) и т. д. Следуя отцовскому совету, я уделил особое внимание профессиональным колледжам, но и их отмел все до единого: стоматология (ха!), машиностроение (скучно), медицина (не дождетесь, больные люди — это фу) и т. д. К тому времени, когда я дошел до теологии (ха!), я уже здорово встревожился: список подходил к концу, а я так и не нашел ничего хоть самую малость интересного. Осталась всего одна программа. Перевернув страницу, я прочел: “Ветеринария”.

Ветеринария... Хмм...

Никаких аргументов против ветеринарии мне на ум не шло. На самом деле, чем дольше я об этом думал, тем больше мне нравилась эта идея. Ветеринария — это ведь та же зоология, только на практике. И вообще, рассуждал я, мне всегда нравились кошки и собаки, хоть у меня их никогда и не было.

Со всей порывистостью семнадцатилетнего юнца я решил: да будет так! Способствовало решению и то,

что отец моей тогдашней девушки был профессором в ветеринарном колледже. Вот только я вообще ничего не знал о профессии ветеринара. Я даже никогда не читал книг Джеймса Хэрриота. Если вы вдруг тоже ничего о нем не слышали, то знайте: Джеймс Хэрриот — самый популярный и обожаемый во всем мире ветеринар, прославившийся прекрасной книгой “О всех созданиях — больших и малых”, воспоминаниями, которые стали бестселлером и легли в основу сериала ВВС. В наши дни этот сериал грозит затмить австралийский “Ветеринар Бондай Бич”, но для людей моего поколения Хэрриот всегда будет эталонным ветеринаром. Когда я узнал об этом больше, то засомневался в своем выборе (Хэрриот подействовал на меня совсем не так, как на большинство читателей) и задумался, не получить ли сначала диплом по биологии, но мой профессор-консультант был солидарен с отцом: получи реальную профессию, иди в ветеринары, как и задумал. И я пошел.

Большинство моих коллег хотели лечить животных, сколько себя помнят. У многих из них не было ветеринарного колледжа поблизости от отчего дома, и им пришлось проделать немалый путь до Саскачевана или Гуэлфа, чтобы поступить учиться. Они знали, чего хотят, и упорно шли к своей цели. А я вот до сих пор не устаю поражаться тому, как по нелепой случайности попал в профессию, где добился немалых успехов. Больше того, именно благодаря этой самой профессии я познакомился с будущей женой и перебрался в Виннипег. А что было бы, если бы в каталоге не оказалось ветеринарии и список закончился на теологии?

Вот что называется — счастливый случай.

Мяк

Прошло десять лет после смерти песчанки Бобо, прежде чем у нас появился новый домашний питомец. (Гофер не в счет — он толком и не одомашнился.) Я по-прежнему мечтал о собаке, но уже без всякой надежды на то, что это мечта когда-нибудь сбудется.

А потом, в начале моего второго курса в Университете Саскачевана, мы переехали в сельский дом километрах в двадцати на юго-запад от города. Отец давно мечтал жить на собственной земле, в деревне. И теперь, после переезда, он работал физиком-теоретиком днем, а ночью (а также по выходным и праздникам) превращался в фермера-интеллигента. Он стал коллекционировать тракторы, а потом — гаражи для этих тракторов.

Однажды поздней осенью из высокой травы возле одного из таких гаражей вышел черно-белый котенок. Думаю, там водилось в достатке мышей. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это котик и на вид ему недель десять. Родители понятия не имели, что делать. Я был по уши занят:

учеба, взросление, машина, друзья и девушки (какая-никакая, а все-таки социальная жизнь). В общем, поначалу я на эту новость и внимания особо не обратил. Котик был до крайности ласковый: как увидит человека — подбегает и начинает тереться головой о штанину, мурча так громко, что только диву даешься, откуда в такой крохе берется столь мощный звук. Как известно, коты и кошки среди любого множества людей выбирают в любимчики того, кто меньше всех благоволит к кошкам. И кот выбрал отца.

Морозы в Саскачеване могут ударить внезапно, да так, что мало не покажется. Послушав наши слезные просьбы, отец снизошел до того, чтобы разрешить котенку жить в гараже подальше от дома, и стал кормить его там. Кормил кота он сам, объясняя это тем, что ему все равно постоянно надо ходить в гараж, а кормление кота, конечно, добавляет хлопот, но не слишком много. Но коту разрешено ходить только в гараж, никуда больше. В дом его не пускать!

Примерно в это время у котенка появилось имя. Мы прозвали его Мяк — мама говорила, что он когда трется головой об руку, то попискивает: “Мяк-мяк!”

Думаю, многие из вас уже догадались, что было дальше. Да, вы совершенно правы. Когда наступила зима, в гараже стало холодно. Отец сказал: “Ну ладно, пусть живет в подвале, но из подвала в дом его не выпускать!” Чтобы выбраться из подвала, надо было подняться по лестнице и открыть дверь, так что, казалось бы, выполнить требование было совсем несложно. Но Мяк сидел под этой дверью и жалобно плакал. Тогда отец сказал: “Ладно, днем можете выпускать его на нижний этаж, но в спальнях и моем

кабинете чтобы духу его не было! И ночует пусть в подвале”.

Пару недель спустя я ездил в город за покупками и вернулся раньше, чем планировал. Мамы и брата дома еще не было. Войдя, я услышал странные звуки: какое-то шарканье, царапанье и смех отца, хотя кроме него в доме никого не должно было быть. Поднявшись наверх, я увидел, что дверь в отцовский кабинет открыта. Я заглянул внутрь. Оказалось, папа, стоя на четвереньках, играл с Мяком, и оба они были совершенно счастливы.

Я начал изучать ветеринарное дело спустя два года после того, как к нам пришел Мяк, и он постоянно был со мной, когда я корпел над книгами. Он знал, как улечься на столе, чтобы я его не согнал. Благодаря ему некоторые теоретические знания делались более наглядными, и он всегда был готов утешить меня, если я волновался или переживал.

В 1990 году я закончил учебу и переехал в Виннипег. Хотя я звал Мяка своим котом, он принадлежал скорее родителям, так что и речи не было о том, чтобы взять его с собой. Он продолжал жить активной сельской жизнью, и однажды ему здорово досталось — то ли машина сбила, то ли с дерева упал, мы тогда так и не разобрались. Мать в это время уехала повидать родственников в Германию, поэтому выхаживал кота отец: давал лекарства, менял повязки и постоянно звонил мне, чтобы рассказать, как поживает пациент, и спросить совета. До этого никогда, ни по какой причине отец не звонил мне. Что-то изменилось между нами в те дни. Мы говорили как взрослый со взрослым, мы были нужны друг другу. Отца не стало два года спустя.

А потом, в 2002-м, родилась моя дочь Изабель. Мяк к тому времени был уже стар — кажется, ему было лет восемнадцать, если посчитать. В один из первых визитов с нашей крохой в Саскатун Мяк зашел в комнату и вскарабкался на диван, где я пытался укачивать Изабель. Мяк свернулся возле нее клубком и принялся мурлыкать. И я с пронзительной отчетливостью помню, как благодарен я был ему в эти минуты и как меня накрыло ощущение, будто кот — живая ниточка, протянувшаяся между поколениями, между Изабель и ее дедом. Я не смог сдержать слез.